

© 2010 г. Л.В. ЗУБОВА

ИРОНИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА: СРЕДНИЙ РОД В ИГРОВОЙ НЕОЛОГИИ*

В статье рассматриваются факты грамматической неологии, характерные для сетевого общения людей, склонных к игровому словотворчеству: образование форм среднего рода типа *книжко*, *стихо*, *проблеммо*, их связь с игровой антиорфографией и с историей языка. Анализируются психологические и социальные причины этой моды, рассматриваются аналогичные явления из языка поэзии.

В лингвистике давно замечена тенденция к утрате среднего рода в русском языке, особенно явно выраженная в диалектах [Обнорский 1927: 65–66; Высотский 1948: 81–101]. Однако утрате среднего рода противостоит тенденция, указывающая на повышенную востребованность этой категории не только книжными стилями речи¹, но и за их пределами. В разговорном языке, социальном и экспрессивном просторечии весьма продуктивны оценочные собирательные существительные типа *бабье*, *старичье*, *солдатье*; несклоняемые слова, даже обозначающие живых существ (*одно кенгуру*); нередко встречается произношение, а иногда и написание *моё фамилие*, отфразеологическое сращение *моё деньрождение*. Форму среднего рода принимают аббревиатуры, даже без финальных элементов *-о* или *-е*²: *Какой род присвоить аббревиатуре ГИБДД? Московское ГИБДД и московская ГИБДД? слышу постоянно – «ое», а вроде как инспекция, то бишь она*³; *ЖЖ* расшифровывается как *живой журнал*, значит род мужской, а кто пишет «*моё жж*» – пишет неправильно, потому что нет слова среднего рода «*жеже*».

В жаргоне появляется много слов типа *гламурье*, *хулилице*, *бабло*, *бухло*, *кидалово*, *стебалово*, *попадалово*. Оценочная сниженность подобных номинаций опирается на абстрактность и собирательность таких слов, на понятийную семантику среднего рода⁴. Т.Б. Радбиль, анализируя отглагольные существительные среднего рода типа *догонялово*, *поилово*, так объясняет продуктивность этой модели: «Возникающие в результате ее актуализации отглагольные новообразования имеют очень интересную семантику комплексного типа: значение такой лексемы как бы охватывает всю ситуацию в целом или весь комплекс психических состояний лица» [Радбиль 2009: 117].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Грамматика в современной поэзии» РГНФ № 08-04-00214а.

¹ См., например [Виноградов 1972: 75; Крылова 2006: 139]. «На книжный характер существительных среднего рода указывает и тот факт, что в просторечии формы среднего рода часто искажаются, принимая окончания мужского рода: *полотенец*, *крылец*, *яблок*, или женского: *в училищу*, *в стаду*, *без платьи*, *в худой ведре*» [Голуб 2005: 223].

² Если такие элементы есть в произношении, они все же не воспринимаются как флексии.

³ Здесь и далее примеры, извлеченные из блогов Интернета (преимущественно Живого Журнала), приводятся без указания на авторов реплик, так как все эти реплики помещены в Интернете под «никами» (псевдонимами). Орфография реплик приводится в соответствии с источниками, за исключением унифицированного в статье написания заглавных букв, которые маркируют начало каждого из примеров. Все картинки скопированы из Интернета.

⁴ О понятийном среднем роде см. [Есперсен 1958: 281–284].

Подобные новообразования выходят за пределы социально маргинального дискурса: *По просьбам заинтересованных френдов вывешиваю оповещало об очередном поэтическом сюжете в альманахе «Цвет времени».*

В последние годы стало весьма распространенным и такое явление: в сетевом общении людей, склонных к игровому словотворчеству, активно производятся формы типа *книжко, собачко, соседко, тётко, задачо, проблеммо, рыбо, девицо, пятницо*⁵.

Такие новообразования создаются по аналогии с антиорфографическим клише («мемом») *йа криветко*: «Йа кривётко (также известен как Йа кривédко, Йа кривéдко, эрратив от “Я креветка”) – популярный интернет-мем, произошедший от известной цитаты на “цитатнике Рунета” bash.org.ru <...> По данным на июль 2009 года на запрос “йа криветко” выходило 28 300 попаданий, а на запрос “йа криведко” – 33 000 <...> “Йа криветко” стало стандартным комментарием в блогах и даже приобрело ряд значений: дезориентации человека, пишущего это, и при этом сохранения у него отличного настроения; просто радостных ощущений; особого мироощущения, нежелания что-либо делать (что вытекает из текста “канонической” цитаты); осознания собственной ничтожности или непонимания чего-либо» [Йа криветко 2009].

Йа криветко!

СОБАЧКО

При этом явно доминирует словообразовательный тип существительных с суффиксом -к-.

Подобные формы часто используются в заголовках, обозначающих жанр текста или изображения: *сказко, стихо, картинко, сценко из фильма, напоминалко, задачо.*

Согласуемые члены предложения при таких существительных употребляются во всех трех родах – встречается и семантическое согласование с опорой на род слова в литературном языке: *Шляпная вечеринко; Лошадко сошла с ума; В картинку не вошла мордочко шута; И первой жертвой пал нещастный Ванечко, оставленный наедине с Линуксом,* и согласование по форме грамматического неологизма: *Новогоднее корпоративное вечеринко; А еще такое тарелко, жена ваяла; Кофто очень подошло мне; Супер моднецкое туфелько; А вот мое симпотичненькое мордочко; Мое блондинко вернулось из Индии; Рисовку я ещё могу пережить, но вот когда вполне адекватный в каноне парень начинает вести себя как хнычущее тряпко, хочется из милосердия его убить; Назрело проблеммо; Это задачо съело мой моск.* Вероятно, специальных лингвистических усилий требует демонстративное рассогласование слов по всем параметрам: *Отличный пластинко; Новогодний открытко; Летающий лягушко; Опман зрения, я думал пластинко такой.*

Прослеживается тенденция к несклоняемости грамматических неологизмов среднего рода, указывающая на рост аналитизма в русском языке: *Пиво без водко – деньги на ветер; Клавиатуро для блондинко; Наливаем в тарелко, посыпаем кунжутом; Короче, в этом стихо полно парадоксов.* Встречается и отказ от согласования в числе: *В тексте никаких ошибок нет; Они с Машей загорали в теплых кофто; Мне вот твои стихо нравятся.* Преобразование существительных в слова среднего рода затрагивает и формы *pluralia tantum*: *Работать буду – деньго нужно; За неё ещё и деньго платить надо.*

⁵ Интернетовские игры со средним родом были замечены, но как грамматическое явление пока не рассматривались: они интерпретировались как проявление демонстративной антиграмотности и механизма клиширования [Кронгауз 2008: 153–159].

Новообразования среднего рода, обозначающие детей (по возрасту, родственным отношениям или социальному статусу) – *ребёнок, внучко, племянницo* – воспроизводят те грамматические свойства слов, которые существовали в истории языка, но впоследствии утратились, оставив след в виде внесистемных реликтов (*чадо, дитя, дитяtko*).

Эта же закономерность прослеживается на примерах других словообразовательных моделей с экспрессивными суффиксами: *А что, подумал я, парнишко не вовсе неправ; Котище такое... ошарашенное слегка; Это же надо выпустить на сцену такое бабище с паклей на голове и перекошенной рожей; Когда добираюсь до зеркала на даче, то узнать не могу – такое бабище!*

Отнесение слов с экспрессивными суффиксами к среднему роду, наиболее ярко представленное в былинах (см. [Копелиович 1989: 102–106]), было нормативным еще в XVIII веке: «На *е* окончание имеющие суть рода среднего: *сердце, спасение, писание*. Увеличительные, на *ще* кончаемые, от мужеских имен происходящие *столице, домище, дѣтенище*, хотя суть мужеские, и от женских: *бабище, избище, силище* – рода женского, однако чаще в среднем употребляются: *великое домище, дурное бабище*» [Ломоносов 1952: 439].

Своеобразной реставрацией былой принадлежности слов к среднему роду являются слова *мочалко, коленко*: *Это мочалко для полировки доски. Оно должно быть суровым!; Самое смешное, что у меня волосы стали лучше – видимо, потому что я их мою теперь раз в неделю – и они слегка оздоровились, раньше ну просто были как мочалко; Моё коленко, кажется, становится лучше. На прошлой неделе я вышла на работу; Сидели рядом, моё коленко ей немного мешало. Слово мочалко даже стало названием кафе: 10 октября в диско-кафе «Мочалко» болельщики смогут посмотреть футбол на большом экране. Такими и должны были быть системно закономерные диминутивы от слов среднего рода *мочало, колено*, но в литературном языке закрепились варианты с отражением аканья⁶.*

⁶ Ср.: Золотой луч солнца, скользнув мимо соломенной крыши, упал на его коленко (Лермонтов. «Вадим»). Этот и другие примеры приводятся в работе [Виноградов 1978: 213–214].

Употребление форм среднего рода, произведенных от нормативных существительных женского рода, совпадает с древней звательной формой в конструкциях обращения: *Лошадко!*; *Рыбко ты где?*; *Букво, я тебя знаю*; *А ты не хихикай, женичино*; *Девушко, вы танцуете? а я пою, бугага!*

Лошадко!

Стихия игровой неологии, связанной с активизацией среднего рода, иногда затрагивает и прилагательные. Поскольку в системе языка почти любое прилагательное как родоизменяемая часть речи может быть среднего рода, выразительность игровой грамматики усиливается деформацией окончаний. Например, окончание прилагательного среднего рода в реплике *Я в этой кофто похожэ на узбечку* усилено заменой буквы «е» на букву «э», а фотография маленькой девочки, остриженной наголо, с короной на голове, подписана словами *Лысайо прынцессо*.

Возможно, антиорфографические написания глаголов типа *нравиццо*, *радуетсо*, которые появились в сетевом жаргоне раньше, чем распространилась мода на средний род, в контексте этой моды могут быть восприняты как глаголы настоящего времени в среднем роде, что, конечно, грамматически асистемно, но вполне экспериментально. Впрочем, асистемность таких форм относительна: глаголы прошедшего времени могут быть среднего рода, а это создает прецедент и для экспериментов с формами настоящего времени.

Активизация грамматических неологизмов среднего рода приводит и к тому, что авторы высказываний предлагают читателям переосмыслить литературные двухкорневые слова с соединительной гласной «о»: *Красивое стихо-творение!*; *Начну выкладывать своё стихо-творчество. Заценяйте*; *Смутное, невнятное, бесцельное пока стихо-творчество, потребность, еще не ставшая необходимостью*.

Любопытно, что авторам таких реплик иногда бывает недостаточно дефиса, полуавтономность элемента *стихо-* демонстрируется кавычками перед дефисом: *А ты очень красноречиво проиллюстрировал процесс «стихо»-творчества*. Элементы двухкорневого слова расчленяются запятой на разные слова при сохранении буквенно-звуковой последовательности: *Настроенъице: крео. Меточки: малостишия, синячки, стихо, творчество*. Расчленение слова маркируется и комбинацией запятой с последующей заглавной буквой: *Стихо, Творчество, оно проходит... а я, все-таки, помню наизусть*. Встречается пробел между элементами, пунктуационно не разделенными: *Спасибо, на мой взгляд тема посвящённая стихо творчеству, как минимум не лишняя*. Слэш позволяет повысить автономность элемента *стихо-* включением его в перечислительный ряд: *Увлечение фэнтези (как следствие, «менестрельным» песне/стихо/творчеством) – откровенный, намеренный (можно сказать – честный) уход от реальности; Забавная игрушка в помощь стихо/творчеству/сложению/анализу*. Переосмысливаются и конструкции с субстантивным определением (*Стихо-конкурс; Стихо-заклинание в духе Иоанна Богослова*).

При употреблении новообразований среднего рода заметна тенденция к фразеологизации высказываний (надписей, подписей), структурно производных от исходного клише *йа креведко*: существует немало надписей на футболках, кружках и других пред-

метах с местоимением *я* (*йа*): например, табличка на автомобиле *Я блондинко*, надпись на бутылке *Йа водко*, слова на десятирублевой купюре *Йа дисядко*.

Таким образом, игровой язык сетевого общения, начавшийся с антиорфографических забав, существенно затрагивает грамматику и фразеологию. Элементы этого языка, выходя за рамки Интернета, попадают в устную и художественную речь.

Впрочем, поэтические эксперименты иногда значительно опережают явления практического языка. Так, в стихотворении Виктора Сосноры «У ворот (лубок)», из цикла «Хутор потерянный», написанного в 1976–1978 гг., есть строки:

У ворот
(вот-вот!)
о овца, как офицер
(пьяница, одеколон!)
с мордой
смотрит:
во дворе лежит бревно, – как попало, голышом...
ЧЬЕ ОНО ЛЮБОВНИЦО?

[Соснора 2006: 623].

У Александра Левина в стихотворении «Перестановка мебели», помещенном в сборник 1995 г., есть такие строчки:

стул – бродячее дерево,
которому приделали ноги,
двоюродный брат пиджака, который висит на нём
как родной (кто на ком?)
Кресло – двоюродное **сестро** стула,
но не родственник пиджаку
Пиджак.

[Левин 1995: 96–97]⁷.

Новообразования среднего рода весьма активно осваиваются в современном стихотворчестве, реагирующем на сетевую моду.

Упражнением-забавой можно считать такой текст (здесь приводится отрывок из очень длинного стихотворения, сочиненного коллективно). «Вот такая поэма родилась из диалогов с моими коллегами по аське», – пишет блогер хаситото, адресат стихотворения, помещая текст в своем Живом Журнале 10 апреля 2009 г.):

Анко – Креведко
седлала Медведко
гоняла Конядко
Ловила Енотко
Енотко умчалсо
проголодалсо
нашел Анко – грядко
и долго там пасса.
нарыл там морковко,
одно помидорко,
натырил картошко,
сложил все в лукошко,

⁷ Шрифтовые выделения слов в цитированных стихах мои. – Л. З.

Анализ словоупотребления *любовницо* и *сестро* в стихотворениях В. Сосноры и А. Левина см. в книге [Зубова 2000: 293–295].

помыл рядом в речко,
отнес на крылечко,
порезал все ровно
и схавал задорно :)

потом огляделсо,
на хвост свой уселсо,
глядит и дивицца:
ведь не с кем делицца...

[Ода мне 2009].

Стихотворение заканчивается словами *а дальше лень придумывать*.

В следующем контексте форма среднего рода активизирует свою потенциальную грамматическую полисемию, создавая объемный образ:

Как пчелко – гудит под землею Неглинка,
скользят хоккуисты по невскому льду
и рыжая дремлет брюнетка блондинка,
которую – сам у себя украду

[Кабанов 2005].

Здесь в слове *пчелко* можно видеть не только существительное, но и наречие, и безличный предикатив. Эта контекстуальная грамматическая неопределенность, суммирующая варианты возможного восприятия, дублируется и на лексическом уровне: *и рыжая дремлет брюнетка блондинка*, и на словообразовательном: в слове *хоккуисты* объединены названия авторов хокку и хоккеистов.

Мода на средний род заслуживает серьезного внимания: разнообразные психологические и социальные причины этого явления могут много сказать о самоощущении современного человека и о его картине мира⁸.

Этот язык субкультуры Интернета возник и пока преобладает вовсе не в низших социальных слоях, а в среде грамотных людей из творческой интеллигенции, причем далеко не только молодых.

Можно предположить, что в грамматической забаве, активизирующей средний род, осуществляется потребность человека снизить пафос высказывания, интимизировать речь. Когда автор говорит о своем произведении *стихо* или *картинко*, он самоиронией защищается от чужого строгого отношения к произведению. Когда автору говорят: *это прекрасное стихо*, ему дают понять, что одобрение исходит из неофициальной среды, когда то же слово *стихо* включается в порицающий контекст, неодобрение смягчается игровой формой. Клише типа *йа креведко*, *йа блондинко*, *йа лошадко*, возможно, обусловлены аксиологически: подразумевается, что любой человек со всеми его недостатками имеет право быть самим собой и быть принятым в обществе.

В грамматической трансформации именовании, указывающих на пол человека (*мужчино*, *любовницо*), очевиден потенциал грамматического способа оценки – указание на неполное соответствие человека его гендерной роли.

MUSCHINO.

⁸ «История языка – это история поколений, как теперь говорят, пользователей, а вовсе не история отдельных слов. И семантика это не набор приписанных словам значений, которые старшие передают младшим в назидание, а только такое значение, которое непосредственно устанавливается в акте коммуникации, или, как мы бы с вами сказали, в событии общения» [Гусейнов 2006: 174].

Представляется особенно важным, что грамматические неологизмы среднего рода потенциально энантиосемичны как модальные и оценочные единицы языка. А это значит, что принципиально значима сама неопределенность их модальности и оценочности, говорение «как бы в шутку» (в сети неологизмы среднего рода очень часто сопровождаются смайликами). Может быть, именно поэтому игра в средний род так затянулась, что она имеет психотерапевтический характер и смысл.

Вероятно, на распространение слов среднего рода со значением лица или какого-либо живого существа (т. е. остро парадоксальных номинаций) влияет системная возможность подобной номинации, связанная с памятью языка: это и звательная форма с окончанием *-о*, и слова с экспрессивными суффиксами, изменившие былой средний род на мужской или женский (*бабище, девчонко, зайчишко*), и фамилии типа *Бондарко, Ивашко*, в далеком прошлом диминутивы имен нарицательных, и метафорические наименования людей словами типа *солнышко*, и возможность среднего рода в обозначении живых существ гиперонимами *животное, насекомое, млекопитающее*, в том числе существ мифических: *чудище, чудовище*.

Конечно, это только некоторые из возможных интерпретаций. «Часто бывает желательным и даже необходимым при обозначении живых существ иметь слова, которые ничего бы не говорили об их поле и были бы в равной степени приложимы к существам мужского и женского пола» [Есперсен 1958: 269]. Возможно, такие слова, как *лошадко, мужчино* являются попыткой создать новую модель слов общего рода.

Не вполне ясно, можно ли в таком словоупотреблении видеть нейтрализацию оппозиции по признаку пола: нейтрализация обычно происходит в немаркированном элементе оппозиции, а весь рассмотренный материал показывает экстремально высокую степень стилистической маркированности новообразований среднего рода⁹. Коннотативная нагруженность этой категории определяется тем, что, в соответствии с нормой, существительные среднего рода – преимущественно неодушевленные, абстрактные или собирательные.

Важно, что средний род – категория условная, не соотнесенная с полом, что адекватно выражено в латинском термине «*neutrum*» и, например, в белорусском «*ніякі*». Именно семантически пустое и способно максимально наполняться содержанием. Это свойство среднего рода издавна является основанием острословия: *Безбородко говорил об одном своем чиновнике: «Род человеческий делится на он и она, а этот – оно»* [Русский литературный анекдот 1990: 77]; *...А кофе пьем какое-то говно – / Какой там «он» – понятно, что оно!..* [Вишневский 2000: 256].

Востребованность среднего рода речью с установкой на выразительность лишь отчасти противоречит тенденции к утрате этой категории. При ослаблении категории ее элементы вытесняются на языковую периферию, становясь стилистически маркированными. Потому они и оказываются сильным средством художественной образности и речевой экспрессии.

Наблюдаемые факты интересны и как проявление динамики в нелинейной эволюции языка. Если тенденцию к вытеснению среднего рода из русской грамматики признать реальностью, то следует заметить, что на периферии языка вытесняемые грамматические формы получают новую функцию – прагматическую – с перспективой семантической дифференциации нейтрального варианта и стилистически маркированного.

Такая перспектива напоминает о гипотетически былом смысловом различении родовых форм в индоевропейских языках. По сведениям, приведенным в статье И.У. Кобовым, неоплатоник Аммоний из Александрии (V век н. э.) указывал, что существительные мужского рода выражают активное начало, женского – пассивное, а среднему роду свойственна такая семантика: «1) существа, возникшие из мужского и женского пола, например, *τό παιδίον* – “ребенок”; 2) существительные, обозначающие переход из сильного элемента в более слабый, например, *τό σπέρμα* – “семя”, *τό ὕδωρ* – “вода”;

⁹ В теории Р. Jakobsona статус среднего рода как сильного или слабого члена оппозиций противоречив (см. анализ концепций Jakobsona [Шахмайкин 1996: 260-268]).

3) родовые понятия, например, то ζῷον – “живое существо, животное”» [Кобов 1972: 49–50].

Большинство сетевых новообразований среднего рода могли бы быть приблизительно истолкованы в соответствии с пунктами этой классификации. И дело не только в том, что, применительно к пункту 1, появляются варианты слов типа *ребёнок*, а и в том, что во многих случаях объекты внимания, выраженные одушевленными существительными, воспринимаются авторами реплик как дети; в целом же, сама игровая речь с имитацией грамматических и орфографических ошибок является подражанием детской речи.

Применительно к пункту 2 тоже можно увидеть не только характеристику объектов, но и характеристику говорящих субъектов, а также извлечь информацию об отношении субъектов речи к адресатам (способным принять шутку). Самый наглядный пример – исходное клише *йа криветко* со значениями, указанными выше, и ближайшие к нему производные выражения типа *йа блондинко*, *йа дисятко*.

Пункт 3 представлен тем, что и одушевленные, и неодушевленные существительные, оформленные как слова среднего рода, таксономически объединяются грамматическим значением гиперонима *существо*.

Если эти толкования верны, а также если верны утверждения Аммония, массовая лингвистическая игра, возникшая в сетевом общении начала XXI века, опирается на исходную семантику категории рода, описанную в те времена, когда еще можно было хотя бы приблизительно установить мотивацию явлений, которые к нашему времени утратили логику грамматического обозначения.

Существовали и другие попытки найти семантические основания для различения существительных по роду за рамками соответствия грамматического рода полу живых существ. «По Я. Гримму, все быстрое, активное относилось к мужскому роду, все малое, спокойное, пассивное – к женскому, а все искусственное, собирательное – к среднему» [Шахмайкин 1996: 230].

Современная лингвистика настаивает на том, что «род – это прежде всего грамматикализованная согласовательная категория, разделяющая всю именную лексику языка на классы (роды), отличающиеся друг от друга не своей семантикой, а грамматически выраженным способом синтаксического соединения с зависимыми словами» [Шахмайкин 1996: 270]¹⁰. Однако любые тексты, ориентированные на осуществление эстетической функции языка, склонны преобразовывать формальное в содержательное.

Стилистическая функция категории рода в целом обусловлена тем, что эта классификационная категория, которая «не имеет последовательного содержательного объяснения» [Русская грамматика 1980: 467], является потенциально формообразовательной (модификационной). Изменение существительных по родам в древнерусском языке проявлялось варьированием форм рода (см., например [Обнорский 1927; Глинкина 1974]); нестабильность грамматического рода свойственна и современным говорам [Блинова 1965]. Архаические явления в этой сфере можно объяснить наследием праславянского синкретического имени, которое могло обозначать и предметы, и признаки [Потебня 1968: 62].

Это наследие, вероятно, и сейчас является резервом формообразовательных возможностей категории рода: «в современных текстах весьма часты попытки изменить род существительного, идущие как бы в направлении словоизменительной регуляризации этой категории <...> мы имеем здесь дело с множественными случаями расшатывания родовых оппозиций вполне грамотными носителями русского языка. И если данные примеры и возможно истолковать как случаи “игры” или “манипуляции” с родом, то надо отдавать себе отчет в том, что за этими “манипуляциями” стоят какие-то объективные внутриязыковые силы» [Норман 2006: 166, 171].

¹⁰ Автор высказывания основывает свою формулировку на анализе многочисленных теоретических подходов к изучению категории рода.

Вероятно, эти силы – не только внутриязыковые. Современный материал, извлеченный из текстов начала XXI века, побуждает очень внимательно отнестись к высказыванию: «на род нужно смотреть как на явление, порожденное временными (не всегдашними) потребностями национальной (не общечеловеческой) мысли, не первобытной, а уже предполагающей, быть может, тысячелетия существования языка и сознательной мысли» [Потебня 1968: 451]. Приводя эту цитату, Л.С. Ковалева и Л.Т. Кабулова предваряют ее словами «пессимистический прогноз» [Ковалева, Кабулова 1994: 117]. С такой характеристикой трудно согласиться: этот «прогноз» представляется исключительно оптимистическим, так как жизнеспособность языка определяется возможностью изменяться, выражая именно сознательную мысль, а не только следуя языковым привычкам.

Поскольку все языковые изменения начинаются именно на периферии языка, можно предположить, что у среднего рода есть будущее не только в пределах фиксированной современной нормы, но и в грамматической динамике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Блинова 1965 – О.И. Блинова. Заметки о морфологическом варьировании имен существительных в говорах // Вопросы русского языка. Томск, 1965.
- Виноградов 1972 – В.В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.
- Виноградов 1978 – В.В. Виноградов. О связях истории русского литературного языка с исторической диалектологией // В.В. Виноградов. Избранные труды: История русского литературного языка. М., 1978.
- Вишневский 2000 – В. Вишневский. Басни о Родине. М., 2000.
- Высотский 1948 – С.С. Высотский. Утрата среднего рода в говорах к западу от Москвы // Доклады и сообщения Ин-та русского языка АН СССР. 1948. Вып. 1.
- Глинкина 1974 – Л.А. Глинкина. О родовариантных формах существительных в древнерусском языке (По «Материалам...» И.И. Срезневского) // Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. М., 1974.
- Голуб 2005 – И.Б. Голуб. Стилистика современного русского языка. М., 2005.
- Гусейнов 2006 – Г. Гусейнов. Жесть технология // Знамя. 2006. № 4.
- Есперсен 1958 – О. Есперсен. Философия грамматики / Пер. с англ. В.В. Пассека, С.П. Сафроновой. М., 1958.
- Зубова 2000 – Л.В. Зубова. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М., 2000.
- Йа криветко 2009 – Йа криветко // <http://ru.wikipedia.org/wiki/Криветко>. 20 декабря 2009.
- Кабанов 2005 – А. Кабанов. Vorovskaya // <http://alexandr-k.livejournal.com/78728.html>. 01.08.2005.
- Кобов 1972 – И.У. Кобов. Проблема грамматического рода в античной грамматической науке // М.Е. Грабарь-Пассек, М.Л. Гаспаров, Т.И. Кузнецова (ред.). Античность и современность: к 80-летию Федора Александровича Петровского. М., 1972.
- Ковалева, Кабулова 1994 – Л.С. Ковалева, Л.Т. Кабулова. Экспрессивный потенциал грамматической категории рода в сниженных стилях // Язык и эмоции. Волгоград, 1994.
- Копелиович 1989 – А.Б. Копелиович. Очерки по истории грамматического рода. Владивосток, 1989.
- Кронгауз 2008 – М.А. Кронгауз. Утомленные грамотой // Новый мир. 2008. № 5.
- Крылова 2006 – О.А. Крылова. Лингвистическая стилистика. Кн. 1. Теория. М., 2006.
- Левин 1995 – А. Левин. Биомеханика. М., 1995.
- Ломоносов 1952 – М.В. Ломоносов. Российская грамматика // М.В. Ломоносов. Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. 7. Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л., 1952.
- Норман 2006 – Б.Ю. Норман. Лингвопсихологические аспекты грамматической категории рода // Rling. 2006. V. 30. № 2.
- Обнорский 1927 – С.П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке. Вып. 1. Л., 1927.
- Ода мне 2009 – Ода мне // <http://xasumoto.livejournal.com/44787.html>. 10.04.2009.
- Потебня 1968 – А.А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. 3. М., 1968.
- Радбиль 2009 – Т.Б. Радбиль. Активные процессы в русском языке последних лет и русская языковая картина мира // Функциональная семантика: Сб. докл. Международной научной

- конф. II Новиковские чтения «Функциональная семантика языка, семиотика знаковых систем и методы их изучения». Москва, 16–17 апреля 2009 г. М., 2009.
- Русская грамматика 1980 – Русская грамматика: В 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1980.
- Русский литературный анекдот 1990 – Русский литературный анекдот XVIII – начала XIX в. / Сост., примеч. Е. Курганова, Н. Охотина. М., 1990.
- Соснора 2006 – В. Соснора. Стихотворения. СПб., 2006.
- Шахмайкин 1996 – А.М. Шахмайкин. Проблема лингвистического статуса категории рода // Актуальные проблемы современной русистики. Дიაхрония и синхрония. М., 1996.